

Иллюстрация: ОВД-Инфо

13.01.2020, 17:10 [Вся Россия](#)

СТАТЬИ

Что делать, если ребенка задержали на митинге, и как жить, если он — политзаключенный

«Мы — родители тех, кого сотрудники полиции или Росгвардии могут избить, бросить в автозак, отправить в СИЗО, на кого по оговору этих „правоохранителей“ могут завести дело и осудить», — [говорилось](#) в одном из открытых писем, появившихся на волне поддержки фигурантов «московского дела». ОВД-Инфо поговорил с родителями и детьми-активистами о давлении со стороны государства, общества и друг друга — и о том, как все это переживать.

В России дети иногда начинают участвовать в политической жизни еще до того, как научатся ходить и говорить. Этим летом прокуратура **потребовала** лишить родительских прав сразу две семьи — Хомских и Проказовых — из-за появления на протестных акциях с младенцами. Дети на митинге становятся поводом не только для репрессий родителей со стороны государства, но и для общественного осуждения.

К тому же с 2019 года в России ввели административную ответственность за вовлечение несовершеннолетних в несогласованные акции. Из изменений в КоАП непонятно, как доказывать, что несовершеннолетнего «вовлекли» и что прийти на митинг — не его решение. Изменения появились в ответ на протесты 2017 года: только на акции «Он нам не царь» 5 мая, **по данным ОВД-Инфо**, задержали 158 несовершеннолетних.

Родителям-активистам непросто и с юридической, и с психологической точки зрения. Они боятся, что их действия повредят детям — боятся органов опеки, собственного ареста, во время которого дети останутся без присмотра, и того, что на детей будут давить в детском саду или школе. Родители активистов тоже боятся репрессий — вплоть до того, что пытаются запереть дома.

В России обсуждение политических взглядов родителей и детей может проходить не за ужином, а на заседании комиссии по делам несовершеннолетних после задержания. В худшем случае — по переписке из СИЗО или колонии.

НИКОЛАЙ БОЯРШИНОВ, СЫН ЮЛИЙ, 28 ЛЕТ

*Николай — отец фигуранта **дела «Сети»** Юлия Бояршинова. Обвиняемые по этому делу — десять антифашистов и анархистов, которым вменяют*

организацию террористического сообщества и участие в нем. После ареста Юлия поместили в СИЗО «Горелово», где он содержался **в пыточных условиях**.

Николай Бояршинов с плакатом о деле «Сети» / Фото: Давид Френкель для ОВД-Инфо

Я, конечно, знал о его [политических] взглядах и был очень рад, что у меня сын таких позитивных и прогрессивных взглядов, с такими устремлениями, все время был занят хорошими делами. Какие-то экологические проекты у него были; приют для животных поддерживал: принимал участие в строительстве, потом периодически ездил туда помогать. В Петербурге он вместе с друзьями организовывал **фримаркет** (мероприятие, на котором люди обмениваются ненужными вещами и одеждой — *ОВД-Инфо*).

Страшно за него стало только после ареста. Это все настолько страшная и бредовая ситуация, настолько неестественная. Я вообще думал, что я не выдержу. Я даже не представлял себе, что это может затянуться дольше каких-нибудь трех месяцев. Я не мог спать, все время думал, пытался понять, что это за бред. Какая мотивация

у людей, которые схватили его. Все время очень надеялся, что если я пойму, то я буду знать, что делать. Но это просто тупик, стена, непонятно.

Потом понял, люди пытаются не какие-то миллиарды заработать, не какое-то вознаграждение получить. Просто хотят заработать еще одну звездочку, еще одну галочку поставить, что вот еще одно дело закрыто. Их совершенно не интересует, что они ломают ребятам жизнь, им это не важно, для них люди — это расходный материал. Конечно, мне было страшно.

Но если бы можно было вернуться назад, я понимаю, что Юлий не мог бы вести иной образ жизни. А арестовать могут любого, в первую очередь, тех, кто более-менее на виду.

Арестовывают как раз лучших ребят, и я сомневаюсь, что Юлий бы захотел измениться настолько, чтобы обезопаситься [от этого]. Хотя я не знаю, чем можно было бы обезопаситься. Может, если бы он не был активистом, он был бы менее интересен именно ФСБ, но он все равно мог запросто оказаться в полиции, они не настолько разборчивые. Они могут кому угодно подбросить наркотики или еще что-то: самое важное же здесь, что это просто план, разнарядка. [Им] не так важно, кто это будет, важно только количество.

Юлик родился в 1991, это наоборот был период какого-то оптимизма. Жить было непросто, но мы совершенно не чувствовали угрозы, подумать не могли, что случится то, что сейчас происходит. Девяностые — это в бытовом плане было тяжело, в магазины ходили как в музей. Но мы все равно думали, что медленнее или быстрее, но мы придем в сторону нормального государства. А вот тем, кто сейчас заводит детей, наверное, не страшно, только если они смотрят телевизор.

Сегодня происходит то, что еще буквально недавно мы считали невозможным. Тюремные запреты постепенно переходят в жизнь, и все люди у нас уже частично в заключении, потому что запретов уже столько, что мы все уже в какой-то тюрьме живем.

Юлий внимательный и добрый человек. Даже обо мне заботился все время, со школы, наверное, я всегда чувствовал какую-то опеку и заботу. С ним было очень легко и хорошо. За всю жизнь мы с Юлием ни разу не повысили голоса друг на друга, я очень радовался, что у меня такой сын.

И это все, конечно, жуткая несправедливость, но и мы в этом виноваты. Потому что мы расслабились. В моем поколении очень многие, сходяв один раз на выборы и почувствовав себя обманутыми, просто больше не ходили. То есть не пытались лучше разобраться в этом и что-то изменить. Мы решали проще: раз политика — это так мерзко, то лучше вообще с этим не связываться. Если бы мы раньше были более активны, сейчас бы, наверное, такого не было. Это же все постепенно ужесточалось, и уже давно можно было заметить, что мы совсем не туда идем.

НАТАЛЬЯ ВОЗНЕСЕНСКАЯ, СЫН, 28 ЛЕТ

Наталья — участница движения «Солидарность». Движение требует освобождения политзаключенных, организует мирные уличные акции протеста, ведет работу со СМИ и участвует в избирательных кампаниях. Наталья занимается активизмом с 2014 года — принимает участие в митингах, антивоенных фестивалях, акциях в честь дня независимости Украины.

Наталья Вознесенская / Фото со страницы Вознесенской в фейсбуке

Я, конечно, очень за него волновалась все время. Потому что мне часто угрожали, писали в социальных сетях что-то типа: «Вали отсюда, а не то подкинем твоему ребенку наркотики». Сыну моему сейчас 28 лет. Он со мной согласен, но считает, что не нужно заниматься активизмом, не нужно специально ходить туда, где может быть опасно. Просто он уверен, что сделать ничего нельзя, потому что большинство населения поддерживает нынешнюю власть, а значит, наши усилия — это бессмысленный риск.

Было время, когда ко мне домой более-менее регулярно приходила полиция. Когда впервые они пришли, детей, то есть сына и его девушки, дома не было. Я потом постаралась рассказать им об этом как-то максимально весело, но ничего, конечно, не вышло. Сын в итоге сказал, что так он жить больше не может и лучше снимет другую квартиру.

**НАТАЛЬЯ РЫБАЛКО, СЫН РОДИОН,
16 ЛЕТ**

Наталья — левая активистка из Петербурга, ходит на митинги, одна из организаторов литературного вечера в поддержку сестер Хачатурян.

Наталья Рыбалко / Фото из личного архива

Довольно рано мой ребенок политизировался, хотя я специально ни о чем таком с ним не разговаривала. Но дети и сами могут спросить, например, почему дороги плохие, почему мусор вокруг. А совсем в его детстве

я читала ему сказки перед сном, и когда он засыпал, со сказок иногда переходила на книги каких-нибудь левых политических философов. А он потом мне рассказал, что, оказывается, не спал, а наоборот дожидался этого момента, лежал тихонечко и слушал. Не знаю, конечно, что он там понимал.

Первый митинг, на котором оказался мой ребенок, — митинг против строительства «Охта-центра» в Петербурге. Это был 2011 год, еще до больших протестов, связанных с выборами. Ему было девять, и мы оказались там случайно. Я знала, что возле Театра юного зрителя будет митинг, но забыла — а мы как раз проходили мимо. И он начал спрашивать: «Мама, а что это такое, люди с флагами? Пойдем туда!»

Я долго не совалась в активизм, потому что мать-одиночка: ощущала огромную ответственность — а если меня повяжут, а если органы опеки... Первый митинг, в котором я приняла участие как организаторка, — это 2018 год, и первое выступление на митинге, и первый одиночный пикет. Ребенок был уже взрослый.

Первый «несанкц» (несогласованный митинг — *ОВД-Инфо*) в 2017 году стал первым для нас обоих — это было 8 марта, шествие по Невскому проспекту. Я, конечно, предпочла бы, чтобы он не ехал, но была спокойна: думала, если менты будут его винтить, просто скажу, что ему 14, и от него отстанут. Это уже потом, 26 марта [2017 года], был «навальнинг», на котором начался массовый повинт (задержание — *ОВД-Инфо*) школьников. И после этого настало понимание, что дети не застрахованы.

Первое задержание ребенка случилось в 2018 году, на акции так называемой «бессрочки». К тому времени меня саму задерживали, я примерно представляла процедуру. И тогда у меня не было никакого страха, только ярость. И я, конечно, летела туда, была одна мысль — помочь. Сразу все какие надо жалобы написала. Надеюсь,

если мой ребенок тогда и испугался, я смогла его своим таким поведением взбодрить. В протоколе было написано, что задержали за неподчинение законным требованиям полиции, а именно за то, что отказался отдать в руки полицейскому паспорт.

В следующий раз на пикете полицейский намеренно вывернул моему ребенку палец — до хруста — и сломал. С тех пор я стараюсь на все акции, куда ходит ребенок, ходить вместе с ним. Все время высматриваю его в толпе, если теряю. Страшно. Конечно, страшно.

ИРИНА П.

Гражданская и эко-активистка, участница митингов за честные выборы.

Я начала заниматься активизмом, когда у меня уже были дети. Со времен Болотной помню слоган: «Мама-папа, где вы были, когда наша страна скатывалась в диктатуру?» Точно не помню, как звучало, но примерно так. Для меня родительство — про ответственность и любовь, и активизм тоже про ответственность и любовь.

Мне кажется, самое сложное в сочетании родительства с активизмом — даже не сам момент участия в митингах, судах и пикетах. В конце концов, это можно считать странноватым хобби, кто-то на рыбалку ездит, а кто-то ходит в суд. Для меня самое травматичное ощущение в том, что в школе, в детском саду ребенка определяют как чужого, потому что кругом путины на стенах. Окружающие чувствуют инаковость, и они, к сожалению, мстят.

Сейчас мои дети школьники, заводить их было не страшно: тогда еще было ощущение, что репрессии, аресты — далеко и не с нами. Странно, наверное, но и сейчас не страшно было бы родить: в России всегда была диктатура, дожидаться другого времени вряд ли удастся.

Если не сгорим и не сядем в тюрьму — так будем отравлены свалками. Но все-таки зачем-то же мы здесь родились.

МАКАР, 16 ЛЕТ

Активист молодежного движения «Весна» в Санкт-Петербурге, участник митингов и волонтер штаба Навального.

Макар (посередине), активист движения «Весна» / Фото предоставлено активистом

Еще год назад я жил в Чебоксарах, узнал, что в нашем городе есть штаб Навального, пошел волонтерить. Был почти на всех кубках (средство уличной агитации — *ОВД-Инфо*), почти все лето раздавал газеты. Конечно с регистрацией Навального [на президентских выборах] ничего не вышло, но я все равно верю, что делал все это не зря.

Очень сложно вспомнить первую акцию. Наверное, это была акция-перформанс на Невском проспекте в день телевидения (тогда активисты, связанные веревкой,

прошли к офису «Первого канала» за человеком с флейтой — *ОВД-Инфо*). Сразу, как переехал в Питер, была идея заниматься активизмом в «Весне», ибо в Чебоксарах «Весна» была, но не работала.

Бывает, с мамой говорим о политике, и в общем, у нее схожие с моими взгляды. Никому не нравится нищета, маленькие зарплаты, высокие цены. Но сама мама не ходит на выборы, ибо не очень верит в какие-то изменения.

Меня нужно забирать [из отделов полиции], ходить на комиссии [по делам несовершеннолетних]. Конечно, это неприятно, и бывают конфликты на этом фоне. Мне кажется, в этом нет моей вины. Была неприятная ситуация, когда она приходила штаб в Чебоксарах, просила главу меня не пускать в штаб, а он не послушал. Я был очень нужен штабу, ибо очень много всего делал.

Страшно бывает редко. Если я попадаю в автозак, сразу о задержании пишет «Весна», подхватывает ОВД-Инфо, МБХ и Медиазона. В отделение сразу звонят журналисты и спрашивают про меня. При таком внимании меня никак не могут избить или сделать что-то плохое.

ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ ВАШЕГО РЕБЕНКА ЗАДЕРЖАЛИ НА МИТИНГЕ?

рассказывает Максим Оленичев, юрист «Команды 29»

- 1** Если ребенка задержали, полиция обязана сообщить об этом вам любым способом связи в кратчайший срок. Ребенок может назвать телефон, и полицейский обязан дозвониться до вас и сообщить о задержании ребенка. Если у ребенка два родителя, достаточно сообщить одному.
- 2** Когда вы узнали о задержании, вам нужно взять свой паспорт и свидетельство о рождении ребенка (оно не нужно, если ребенок указан в паспорте) и немедленно ехать в отдел полиции. Требуйте, чтобы вас допустили к ребенку.
- 3** Не нужно проявлять инициативу при подписании документов, если полицейский сам не попросит об этом. Помните, чем больше ошибок в составленных документах, тем проще затем прекратить дело.
- 4** В отделе полиции попросите выдать вам копии протоколов доставления и задержания, а если к вашему приезду в ваше отсутствие составлен протокол об административном правонарушении, то и его.
- 5** Если ребенку нет 16 лет и он не подозревается в преступлении, нужно немедленно его забрать и покинуть отдел полиции после предъявления документов о том, что вы — законный представитель ребенка (паспорт, свидетельство о рождении).
- 6** Во всех процедурах с момента фактического задержания ребенка (как только полиция ограничила его свободу, в том числе с момента доставления, административного задержания, при составлении протокола об административном правонарушении) вы имеете право пригласить за свой счет адвоката, который вместе с вами или без вас (как решите) вправе присутствовать и оказывать правовую помощь, пока ребенок находится в отделе полиции.

